

Стол был сделан из древесины финикового дерева. Древесина мягкая, но прочная. Этому столу было гораздо больше лет, чем самому Су Шэню. Его родители сделали его, когда поженились, срубив для этого финиковое дерево во дворе — на счастье, чтобы поскорее родился сын.

Его бабушка рассказывала, что у каждой семьи свои обычаи. Одни сажают финиковые деревья на свадьбу, другие срубают их, чтобы сделать мебель. По мнению Су Шэня, посадка дерева была бы лучше — оно могло бы оставаться на века, и можно было бы собирать финики.

С такими мыслями он взглянул на то место, где когда-то росло финиковое дерево.

В их дворе остался только голый толстый ствол, но у соседей финиковое дерево всё ещё росло пышно, и его ветви даже протянулись в их двор. Осенью оно было усыпано красными финиками, и про него можно было сказать: «Ветви с красными финиками выходят за стену».

Су Шэнь усмехнулся при этой мысли.

Смех прервался, когда он заметил маленькую чёрную тень на стене.

Подняв голову, он увидел, что это был Сун Хайлинь, сидящий на стене и улыбающийся, обнажая белые зубы.

Увидев, что Су Шэнь поднял голову, он помахал рукой и засмеялся:

— Я уже думал, когда же ты меня заметишь.

— Когда ты туда забрался?

— Уже давно, — Сун Хайлинь потер руки. — С тех пор как ты начал бросать лёд.

Су Шэнь моргнул и неожиданно спросил:

— Нравится?

Сун Хайлинь на мгновение задумался, но потом понял, что речь идёт о звуке льда, и тут же поддакнул:

— Да, очень.

Су Шэнь слегка улыбнулся.

Некоторые плохие настроения задерживаются только в одиночестве, но стоит кому-то нарушить эту странную тишину, и всё, что было на поверхности, тут же прячется в самое

глубокое убежище, ожидая момента, чтобы снова выйти наружу.

Сун Хайлинь, сидя на стене, помахал чем-то в руке и сказал Су Шэню:

— Брат, я хочу спросить тебя про задачу по математике.

Только тогда Су Шэнь заметил, что он держит в руке лист с математическими задачами.

— Ты же не сможешь спросить, сидя на стене.

— Я сейчас спущусь, — сказал Сун Хайлинь, начав менять позу, чтобы спрыгнуть.

Су Шэнь оценил высоту стены — она была не слишком высокой, прыжок не должен был быть сложным, но... прямо под Сун Хайлинем стоял их кувшин для воды, который тот сверху не видел. Он тут же крикнул:

— Подожди.

Сун Хайлинь послушно остановился.

Но его поза для прыжка была не самой удобной, а на стене ещё оставался не растаявший лёд. Как только он остановился, ноги его подскользнулись, и прежде чем Су Шэнь успел предупредить о кувшине, он замахал руками в воздухе и с грохотом упал вниз.

Су Шэнь на мгновение замер.

Затем, осознав произошедшее, он не смог сдержать смеха.

Сун Хайлинь упал в кувшин задом вниз, тонкий лёд на поверхности тут же разбился, и он оказался в кувшине в нелепой позе, не в силах выбраться.

Су Шэнь смеялся так сильно, что едва мог дышать, и только через некоторое время вспомнил, что нужно помочь Сун Хайлиню.

Поза Сун Хайлиня была крайне неудобной — если бы нужно было описать её, можно было бы сказать, что это было состояние «ни жить, ни умереть».

Его руки и ноги были направлены вверх, а таз и верхняя часть тела застряли в кувшине, и он не мог выбраться самостоятельно.

Су Шэнь подошёл и попытался помочь, но обнаружил, что ситуация ещё более нелепая — кувшин оказался для него слишком высоким.

Если бы он мог встать, то, потянув за руку Сун Хайлиня, смог бы его вытащить. Но горловина кувшина была почти на уровне его головы, даже немного выше. Он обошёл кувшин, но так и не нашёл подходящей точки опоры.

Сун Хайлинь внутри кувшина завопил:

— Что ты делаешь? Неужели нужно чертить схему, чтобы рассчитать, сколько ньютонов силы приложить?

— Схема не нужна, — медленно сказал Су Шэнь. — Просто, судя по ситуации, мне придётся устроить «разбивание кувшина по методу Су Шэня».

— Разбить кувшин? — крикнул Сун Хайлинь.

Су Шэнь снова рассмеялся, затем показал на кувшин и сказал:

— Я же не могу тебя вытащить.

Сун Хайлинь жалобно крикнул:

— Спасите.

— Ну что ж, придётся разбить кувшин, — Су Шэнь повернулся, поднял с земли большой кирпич.

Сун Хайлинь попытался остановить его, но кувшин, сужающийся к низу, был неустойчивым, и от его движений начал наклоняться.

Он попытался выровняться, но было уже поздно — огромный кувшин с грохотом упал на землю, вода разлилась по всему двору, а Сун Хайлинь оказался на земле, весь в грязи и воде.

Стоит отметить, что кувшин, будучи старым, после падения только издал глухой звук, но ни одна краска не отвалилась, и он спокойно лежал на земле.

Су Шэнь подумал, что, возможно, даже если бы он попытался разбить его, вряд ли бы это получилось.

Бедный Черныш — математическая задача, которую он так отчаянно пытался спасти, вместе с ним оказалась в грязи, и когда её вытащили, на ней нельзя было разобрать ни одного слова.

Су Шэнь помог Сун Хайлиню подняться, продолжая смеяться, и предложил:

— Может, лучше пойдёшь домой и помоешься, чтобы не простыть.

Сун Хайлинь не сильно пострадал, но был весь в воде и чувствовал себя неловко.

Как только Су Шэнь это сказал, Сун Хайлинь чихнул.

— Нет, я буду мыться у тебя, — сказал Сун Хайлинь, потирая нос. — Мои бабушка с дедушкой ушли, и дом заперт.

— Они тебя заперли?

— Они ушли, пока я ещё спал, и просто заперли дом. У меня есть ключ, но... — Сун Хайлинь указал на себя, — ты же видишь, что я его не взял с собой.

— У меня нет водонагревателя, — нахмурился Су Шэнь.

— А как ты обычно моешься?

Су Шэнь подумал, что обычно он использует холодную воду, но боялся, что Сун Хайлинь ему не поверит.

Он боялся холода, но не боялся холода.

Боялся ощущения холода, но холод никогда не вызывал у него болезней. Возможно, это было связано с тем, что с детства он привык мыться холодной водой зимой. Так что, с физиологической точки зрения, «холод» хоть и неприятен, но к Су Шэню он был благосклонен.

— Может, я посмотрю, сколько горячей воды в термосе, и ты сможешь помыться в тазу? — предложил Су Шэнь.

— Да, да, всё подойдёт, — Сун Хайлинь топтался на месте.

Су Шэнь налил ему воду, затем нашёл в доме несколько вещей и крикнул:

— Надень мою одежду, я оставил её у двери.

Сун Хайлинь ответил изнутри.

Пока Сун Хайлинь мылся, Су Шэнь поднял его математическую задачу, стряхнул воду и, взглянув на неё, без колебаний выбросил в мусорное ведро.

Не говоря уже о почерке Сун Хайлиня, даже текст задачи был полностью размыт.

Он порылся в стопке задач и нашёл ту, которую собирался вырезать для своей тетради с ошибками, положил её в сторону и мельком взглянул на лежащую перед ним физическую задачу.

И вдруг, в этот момент, его осенило, и мысли прояснились.

После всей этой суматохи с Сун Хайлинем его запутанные мысли вдруг стали яснее, и он сел, чтобы продолжить решать физическую задачу. Как только он закончил её, Сун Хайлинь вышел из ванной.

Как только Сун Хайлинь открыл дверь, Су Шэнь помахал найденной задачей:

— У меня есть лишняя задача, можешь взять её.

— А где та, что была?

— Выбросил, — Су Шэнь даже не моргнул.

— Выбросил? — Сун Хайлинь подбежал. — Я же хотя бы несколько заданий сделал.

— На той задаче ничего нельзя было разобрать, — Су Шэнь посмотрел на него и странно улыбнулся.

Сун Хайлинь был одет в чёрный свитер с изображением лягушки, сидящей на листе лотоса. Выражение лягушки было одновременно жалким и беспомощным, точно таким же, как и выражение лица Сун Хайлиня в этот момент.

Су Шэнь долго смотрел на лягушку, и Сун Хайлинь тоже опустил взгляд.

Чёрт...

— Что это за одежда, — Сун Хайлинь потянул за изображение. — Это просто ужасно.

Су Шэнь всё ещё странно улыбался.

— Эта одежда сама по себе — стихотворение, знаешь какое? — спросил Сун Хайлинь, а затем сам продолжил:

— Озеро Дамин, озеро большое, на озере Дамин растут лотосы, на листьях лотоса сидит лягушка...

Он не успел закончить, как Су Шэнь добавил:

— Тыкнешь — и она прыгнет.

<http://bllate.org/book/15285/1350521>